

Текст: Владимир Абашев

Воскресение Рихарда Герстля

Этот нарядный, в стиле сецессиона (венский вариант art nouveau), жилой дом на Linke Wienzeile, 38 красуется во всех путеводителях по Вене. Его, как и соседний — «майоликовый», в гирляндах маков и кувшинок — проектировал знаменитый архитектор Отто Вагнер, а эскизы для декора сделал дизайнер Коло Мозер, сподвижник Густава Климта. Любуясь парадным фасадом в золоченой сетке гирлянд, пальмовых листьев и медальонов с женскими профилями, нелегко сегодня понять, чем эта красота раздражала когда-то молодых венских художников, тех, кто шел на смену манерным мэтрам сецессиона. Пристрастие сецессионистов к тотальной орнаментации поверхностей архитектор Адольф Лоос сравнил с тягой уголовников к татуировкам. «Орнамент — это преступление», — заявил о себе новый вкус. Они, молодые, хотели взвихрить поверхности, привести искусство в движение. В венской живописи это сделали художники-экспрессионисты. Имена Оскара Кокошки и Эгона Шиле вошли в святцы искусства XX века. В их громкой тени остался первопроходец австрийского экспрессионизма — Рихард Герстль, художник взрыва и вихря.

В ноябре 1908 года в студии на верхнем этаже большого жилого дома по Лихтенштейнштрассе, 20 покончил с собой молодой (25 лет) художник. Его тело обнаружили на следующий день, 5 ноября. Шторы на окнах были плотно сдвинуты. В полумраке вдоль стен грудились десятки полотен, часть работ, как оказалось, была уничтожена. Художник повесился, предварительно ударив себя ножом. Мистическая, в духе «беспечной» Вены, подробность: напротив самоубийцы стояло большое зеркало. В нем отражалось тело — посмертный автопортрет Рихарда Герстля.

В начале XX века Вена была городом гениев. Зигмунд Фрейд и Отто Вейнингер, Людвиг Витгенштейн и Эрвин Шрёдингер, Густав Климт и Альфред Лоос, Густав Малер и Рихард Штраус: все они, кто старше, кто младше, — современники, все венцы. В этом городе рождались и обитали люди, которым было суждено кардинально менять представления о вещах, создавать новые миры в науке и искусстве. Один из таких первооткрывателей — Арнольд Шенберг, композитор и мыслитель, создатель атональной музыки, проложивший пути мирового музыкального авангарда.

Он жил в 9-м районе Вены в доме 68/70 на Лихтенштейнштрассе на одной площадке с шурином, композитором Александром

Цемлинским, младшая сестра которого — Матильда — стала женой Шенберга. У них было двое детей — мальчик и девочка. Вокруг Шенберга, прирожденного интеллектуального лидера, сложился тесный круг музыкантов, которые войдут в историю под именем «новой венской школы». По вечерам у Шенбергов за столом собирались Цемлинский, ученики Шенберга Альбан Берг, Антон Веберн, Генрих Яловец и Карл Хорвиц, пианистка Хенрика Кён. Музыцировали, спорили о путях нового искусства, обсуждали идеи хозяина дома. Незаметная Матильда обносила гостей чаем с пирожными.

К середине 1900-х Арнольд Шенберг уже пользовался признанием в музыкальной среде. Его сочинения оценили Густав Малер и Рихард Штраус. Однако музыкальные занятия и преподавание не вполне обеспечивали семью. Разносторонне одаренному Шенбергу пришла в голову идея заняться еще и живописью — сделать из нее дополнительный источник заработка. Он стал искать преподавателя, чтобы брать уроки. Ему рекомендовали молодого талантливого, хотя и неизвестного (а значит — недорогого) художника, студента Академии изящных искусств. Так весной 1906 года в уютный семейный круг Шенбергов ворвался вихрь по имени Рихард Герстль. Впрочем, вихревая, взрывная и

Портрет Арнольда Шенберга. 1906

разрушительная природа этого долговязого и тощего юноши с лицом Велемира Хлебникова выяснилась не сразу. Зато очевидными были вдохновение и призвание.

Рихард Герстль был трудным юношей — угрюмым упрямым с неимоверным самолюбием и чувством избранности. Он поступил в Венскую академию изящных искусств. Работал в классе мастера академического рисунка профессора Кристиана Гриппенкерла. Отношения не сложились. В

конце концов, профессор пресек препирательство. «Я уверенней вожу струей мочи по снегу, чем Вы рисуете», — заявил Гриппенкерл и выставил строптивого Герстля из Академии. Кстати, этот суровый профессор немногим позднее дважды зарубит Адольфа Гитлера при поступлении в Академию. «Непригоден!», — напишет он на заявлении Гитлера, когда тот придет поступать во второй раз. (Было бы лучше, если б он его принял).

Впрочем, Герстль переупрямил Гриппен-

керла. Он снова и снова восстанавливался в Академии, менял классы, уходил и возвращался. Много и упорно работал, пробуя разные стили и техники и ища собственную манеру. Уже в первые годы нового века он написал два выдающихся полотна — пророческий автопортрет на синем фоне (1902) и пугающе призрачный двойной портрет «Сестры Фей» (1905).

Когда Герстль вошел в дом и круг Арнольда Шенберга, начались самые счастливые, плодотворные и стремительные годы его жизни. Как всякий истинный венец, он любил и знал музыку, тем более что чувствовал внутренние связи своих поисков в живописи с новой музыкой. Теперь же он оказался в самом центре воодушевляющей творческой среды музыкантов и интеллектуалов — учеников и единомышленников Шенберга. Они приняли Герстля как своего. Альбану Бергу и Антону Веберну, ровесникам Герстля, он был понятен и близок.

Вскоре после знакомства с Шенбергами Рихард написал для них два больших портрета: Арнольд и Матильда с дочерью Труди — Гертрудой. Они написаны в интерьере квартиры: темная красного дерева мебель, ковры, густые обои. Насыщенный теплый коричнево-красный колорит и какая-то особенно плотная, почти на ощупь, ковровая фактура живописи,

очень насыщенная. Бархат скатерти, шерсть ковров, плотные ткани одежды. И на этом плотном фоне замечательно с психологической глубиной написаны лица. Хорошо Арнольд Шенберг — усталый, сосредоточенный с крутым голым лбом мыслителя и внимательными шоколадными глазами. И замечательно лицо девочки в косичках — миниатюрная копия отца с огромными глазами, удивленными — домиком — бровями и отцовской печалью. Отношения с кругом и семьей Шенберга стали настолько тесными, что

весной 1908 года Герстль снял студию в том же доме на Лихтенштейнштрассе, где жили Шенберги. Эту студию он делил с Арнольдом.

Летние сезоны 1907-го и 1908 годов Рихард провел вместе с Шенбергами и их кружком в курортном городке Гмюнден на альпийском озере Траунзее, южнее Зальцбурга. Они снимали дачные домики прямо на берегу озера с видом на островок со сказочным средневековым замком и скалистую громаду горы Траунштайн на другом берегу. Купались, плавали по озеру на лодках, поднимались в горы — обыч-

ная беспечная курортная жизнь. Но только с виду обычная. В оправе летнего отдыха по-прежнему и даже шибче, чем зимой, шло творчество.

В Гмюндене Герстль много пишет на пленере. Это сильная, кипящая фактурой и цветом, раскованная живопись. Стоит взглянуть в эскиз набережной у Гмюндена: каким вихрем синевы и зелени завиваются здесь стремительно разбегающиеся мазки и сталкивающиеся энергии творения. Кажется, у Рихарда эти летние этюды Траунзее — его точка отрыва, когда кисть расстается со службой предмету и начинает

Набережная у Гмюндена. Лето 1907

жить своей — собственно живописной — независимой жизнью, творя свои миры, подчиненные только страсти художника.

Летом 1908 года вся компания в Гмюндене переживала творческий подъем. Арнольд Шенберг работает над этапным для себя и, как окажется, для истории музыки вторым струнным квартетом. Здесь, в четвертой части опуса, он впервые делает

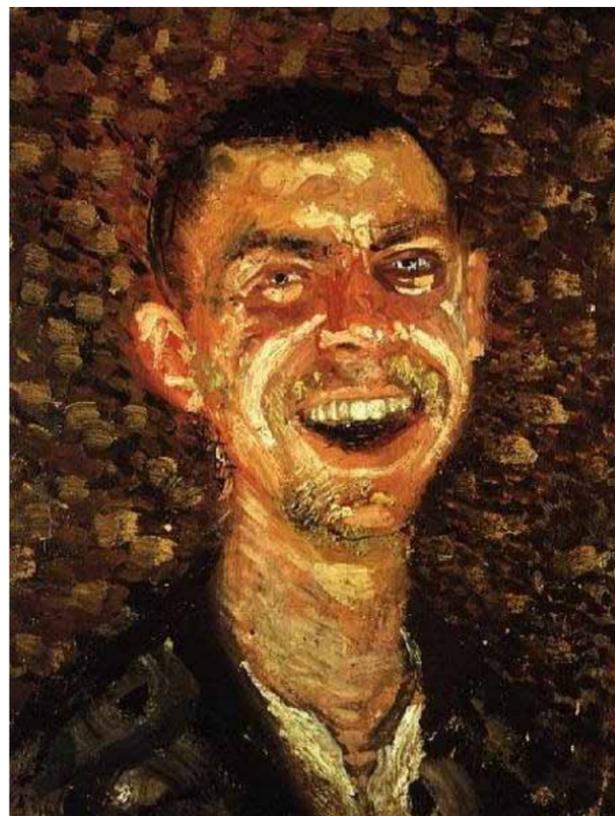
решительный шаг к атональной музыке. Антон Веберн работает над вокальным циклом на стихи немецкого поэта символиста Стефана Георге — кумира шенберговского кружка. Только что вышла его книга «Седьмое кольцо». А кисть Герстля, кажется, окончательно взбесилась. Он лихорадочно пишет большие, в рост, портреты — групповые и одиночные — своих друзей. Яркие, почти

кричащие цветные пятна, напряженная пастозная фактура, широкий стремительный мазок. Здесь живопись взрывается зарядом страсти.

Все они в Гмюндене работали тогда в каком-то упоении сотворчества,

боснийской крови ее предков?

Дальше — больше. Разоблаченные любовники бегут в Вену, снимают там квартиру. Наконец, Арнольд обнаруживает их убежище. Он умоляет Матильду

Автопортрет. Смеющийся. 1907

и непонятно, кто на кого влиял. Лето кончилось катастрофой. В конце августа Арнольд Шенберг застал Матильду и Рихарда в ситуации, не оставлявшей сомнений в природе их отношений. А дальше началось что-то невероятное. Можно как-то понять увлечение Рихарда. Но тихая незаметная Матильда? Она шестью годами старше Рихарда, заботливая хозяйка дома, мать двоих детей. Может, проснулась струйка бешеной

образумиться, вернуться в семью к детям. Матильда не может оставить детей, она возвращается.

В сентябре Рихард снял студию на Лихтенштейнштрассе, 20. Совсем неподалеку, метрах в двухстах, за углом, на Berggasse, 19 была квартира и кабинет уже знаменитого доктора Зигмунда Фрейда. Наверное, он многое мог бы сказать о ситуации Рихарда, окажись тот его пациентом. Но такие как

Герстль слишком отчаянны и одиноки, чтобы доверяться докторам.

Матильда несколько раз в тайне навещала Рихарда на новом месте. Но в конце концов поставленная перед выбором — семья или Герстль, она окончательно выбрала семью. Рихард разом потерял все, что составляло его новую жизнь — любимую женщину и друзей. 4 ноября 1908 года он свел счеты с жизнью. Друзья Шенберга и родные Герстля сохранили тайну о подлинных мотивах его самоубийства. Имя покойного ничего не говорило широкой публике — он не узнал при жизни ни одной выставки.

Картины Рихарда свезли на вещевой склад, где они пролежали в пыльной темноте больше двадцати лет. Когда семья обеднела, и вносить плату за хранение стало накладно, старший брат Алоиз решил показать некоторые вещи Рихарда специалисту. Отто Ниренштейн, к которому обратился Алоиз, хорошо разбирался в современной живописи. Он понял, что ему выпал счастливый шанс явить миру нового необычайно цельного и радикально последовательного художника, подлинного первопроходца австрийского экспрессионизма.

28 сентября 1931 года в «Новой галерее» Ниренштейна в самом центре Вены рядом с собором святого Стефана было выставлено 60 полотен Рихарда Герстля. Так состоялось его воскресение.

Вся внутренняя жизнь художника, логика его судьбы обнажена в его трех поразительных по откровенности и живописной силе автопортретах. Первый — 1902 года, полуобнаженный на синем фоне, с его жертвенной готовностью ко всему. Тело воскресшего в герстлевском космическом ультрамарине с сиянием голубой ауры вокруг головы. И последний, написанный осенью 1908 года, беспощадно и бесстыдно обнаживший свое кричащее естество. Там поразительно написано зеркало, жидкое, кипящее спиралевидными мазками. И, наконец, третий автопортрет — дико хохочущий в роящихся, как взбешенные пчелы, густых красно-коричневых с золотыми искрами мазках. Здесь все сказано о себе, что можно было сказать в итоге своих 25 лет.

Матильда умерла в 1923 году, Альбан Берг — в 1935, Антон Веберн — в 1945. Арнольд Шенберг пережил всех участников и свидетелей драмы на озере Траунзее. У него была редкая фобия: он панически боялся числа 13 и всячески старался избегать его. Свою грандиозную оперу он назвал «Moses und Aron» вместо правильного «Moses und Aaron». Он сократил число букв до безопасного счета. Рассказывают, что Шенберг с ужасом ожидал своего 76-летия, которое выпало на пятницу 13 июля 1951 года. В этот день он и покинул мир за 13 минут до полуночи. Последним словом его было: «Гармония».

В ОТПУСК ВСЕЙ СЕМЬЕЙ!

**В знакомой
с детства
БОЛГАРИИ!**

Еженедельно
с 3 июня

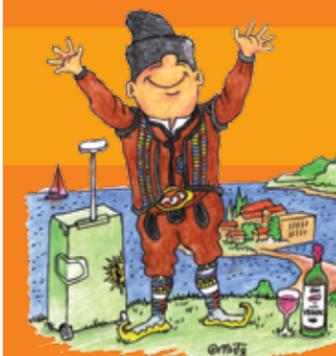
**В солнечной
ИТАЛИИ!**

С 8 июня каждые
11/10 ночей

**В сказочной
ЧЕРНОГОРИИ!**

С 12 июня
каждые 10/11 ночей

А также из Перми Испания, Кипр, Греция, Турция, Хорватия, Словения, Тунис, Тайланд и Египет!

Офисы продаж:

г. Пермь, ул. Газеты Звезда, 27

тел. 219-66-66

г. Пермь, ул. Пушкина, 35 (арка)

тел. 219-66-06

г. Пермь, ул. Луначарского, 35

тел. 21-21-551

www.finist-travel.com